

Балканские чтения 7

В ПОИСКАХ «ОРИЕНТАЛЬНОГО» НА БАЛКАНАХ

- ◆ Античность
- ◆ Средневековье
- ◆ Новое время

ТЕЗИСЫ
И МАТЕРИАЛЫ

24—26 МАРТА 2003
МОСКВА

Редколлегия:

И. А. Седакова, Т. В. Цивьян

В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время. — М., 2003. — 196 с. (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы.)

© Институт славяноведения РАН, 2003
© Коллектив авторов, 2003

Анаграмматическое построение именного ряда в прототипе СЛ позволяет понять механизм преобразования сюжета на южнославянской почве. В интересующем нас варианте СЛ агнографически не идентифицируемые спутники Сисиния исчезают, зато появляется ангел Сихаил, имя которого также созвучно имени Сисиния, совпадая с ним в начальном слоге.

Архангел Сихаил хорошо известен и за пределами СЛ. В неофициальной ангельской иерархии он занимает необычайно высокое положение. Самое яркое свидетельство этого — новгородские кресты-энколпионы XIV/XV вв., в средокрестиях которых изображены Распятие и архангел Сихаил. Особый интерес, проявляемый заговорной традицией к Сихаилу, может, на наш взгляд, объясняться тем, что данное имя (не имеющее еврейской этимологии и представляющее собой, по-видимому, результат замены начального согласного в «главном» ангельском имени *Михаил*) анаграмматически соотносилось с именем Иисуса Христа, а точнее — с монограммой этого имени (И ХС). В берестяной грамоте № 734, также содержащей текст заговора, трехкратное СИХАИЛЬ, СИХАИЛЬ, СИХАИЛЬ графически непосредственно продолжает монограмму при изображении креста, как бы «вырастая» из нее.

В том же ключе, как анаграмма имени *Иисус*, может быть прочитано и имя Сисиния. Показателен в этом отношении болгарский заговор, в котором перечень призываемых сил начинается Иисусом Христом и заканчивается Сисинием. На этом фоне введение ангела Сихаила в сюжет СЛ выглядит как развитие изначально заложенного в тексте анаграмматического эффекта, получившего в восточно-христианской традиции новое семантическое наполнение.

Полное слияние Сисиния с Сихаилом в БГ № 930 отражает дальнейшую эскалацию этого эффекта, стремление контекстуально связать два имени, максимально используя их совокупный сакральный потенциал. Соединенные вместе, «СИСИний и СИХаил» представляют в тексте не названного по имени «невидимого царя», силой которого «изыманы» лихорадки-трясовицы.

V. A. Friedman (Chicago)

FROM ORIENTALISM TO DEMOCRACY AND BACK AGAIN:
TURKISMS IN THE BALKAN LANGUAGES

In memory of Kostas Kazazis
(15 July 1934 – 23 December 2002)

Although the theory of substratum influence was crucial in the initial theorizing of the Balkan linguistic league, it is arguable that the Turkish lexical component is the more salient unifying factor in terms of the way ordinary people think about language. This was emphasized by Kazazis (1972: 89) in his classic article on the status of Turkisms in the Balkan languages, where he observes: «Turkish linguistic elements constitute a common denominator (not the only one to be sure) for the spoken form of all the Balkan languages. Turkish further reinforced the Balkan linguistic union (*Sprachbund*) in certain respects such as vocabulary and 'phraseology'. His anecdotal account of the way speakers of different Balkan languages compare Turkisms such as food names and obscenities crystallizes the popular view of Turkish as a Balkan common denominator. At the same time, the status of Turkisms has risen and fallen and risen again in response to external events». In this paper, I shall examine the symbolic deployment of Turkisms as signs in various types of linguistic ideologies, i. e. in the ideas that people have about language and language use. I shall show that Turkish continues to be a site for the exercise of lexical and symbolic power in the Balkans even ninety years after Turkey in Europe was reduced to the territory of eastern Thrace, but its symbolism varies according to circumstances.

The penetration of Turkisms into the Balkan languages reached its zenith during the nineteenth century owing to the migration of rural populations to the cities, where Turkish was the language of the commerce and prestige. Under the Ottomans, the town dweller (*şehirli*) was a privileged tax category that required a minimum of forty years residency, and knowledge of Turkish was *de facto* a part of acquiring this desirable status. Turkish was thus not simply the language of the market place and inter-ethnic communication but the language of urban sophistication and status.

The late Ottoman period, in addition to seeing the rise of nationalism and the urbanization of rural populations was also the period of the rise of «orientalism» in the West, with the Balkans construed as a European variant on this theme of the Oriental «other» against which Western Europe could define

itself. It is from this period that Miklosich's (1884–90) path-breaking work laid the foundations for the study of Turkish lexical elements in the languages of Eastern and Southeastern Europe.

The rise of Balkan standard languages saw the fall of Turkisms. By recursively internalizing West European notions of the «oriental», the Balkan elites that controlled the standardization of their respective languages banished most Turkisms to colloquial and ironic registers (a few were thoroughly integrated, while others became archaic or dialectal). This process was repeated in each standard as it achieved stability. Thus, for example, although there was a current of thought among some Macedonian intellectuals that maintained that Turkisms should be encouraged and preserved because they were characteristic of folk speech and also emphasized Macedonian's differentiation from the other Slavic languages, the predominant trend continued the nineteenth-century tradition of encouraging replacements for Turkisms. This same ideology continues to operate in Greece.

In the case of Turkish itself these same words are often also considered foreign, being of Arabo-Persian origin. Thus in many cases the Turkisms of the Balkan languages are the Arabo-Persianisms of Turkish, since it served as the intermediary via which many words of Arabic and Persian origin entered the Balkans. We thus have the interesting situation in which the same terms are considered archaic in both Turkey and the Balkan languages. In Turkey, too, this vocabulary can be stylistically manipulated with political implications. Thus, for example, politically right-wing publications such as the newspaper *Tercüman* favor older Arabo-Persian vocabulary while left-wing publications such as the newspaper *Cumhuriyet* support Turkic neologisms.

Since 1989 there has been a reversal of this trend in most ex-communist Balkan countries, especially in the popular press. The rise of Turkisms in the media and contexts in which the norm is expected reflects an attempt to «democratize» via colloquialization. The logic of such a tendency is that since the standards of the 1944–90 period eschewed Turkisms in formal contexts while they continued to thrive in colloquial speech, and since that period was characterized by a one-party system, the eschewing of Turkisms is a characteristic of monism. Thus the use of Turkisms in formal contexts becomes a marker of «democracy». The fact that this reasoning is syllogistic does not change its power to affect usage.

On the territory of the former Serbo-Croatian (BCS), however, Turkisms have taken on a different significance as a positive marker for Bosnian and a negative one for Croatian. Turkisms are recursively associated with Serbian in Croatian and with Macedonian in Serbian. Speakers were aware of the ironic

of this semiotic process, as illustrated by a Serbian joke from former Yugoslavia in which a Serb tells a Macedonian: *Vi Makedonci upotrebljavate mnogo turcizama, a mi Srbi, jok!* Turkisms have become symbolic in the breakdown of BCS into at least three literary languages. This breakdown helps reflect and reify the disintegration of former Yugoslav society. Language planners and others in the BCS-speaking territory utilize the encouragement or discouragement of BCS Turkisms as one of the means of increasing the differentiation of the codified norms or literary languages currently developing out of BCS. These attempts are directly connected with the political will to establish the separateness and identity of the nation and state via language. Bosniac nationalists utilize Islam as the religion of national identity, and Bosnian language planners are attempting to reinstate as much as possible of the Turko-Arabo-Persian lexicon of previous centuries, when Islam was the state religion of Turkey in Europe. Meanwhile, although Serbian continues to follow the lines of development which until recently were common to BCS, which Serbian is accused of having dominated, there is pressure to avoid lexical items that have become identified with other variants of BCS. Moreover, Bosnian is attempting to lay exclusive claim to the entire Turkish vocabulary of BCS. Thus, for example, Pirić (1994) writes that the (common BCS) Turkism *komsiluk* 'neighborliness, neighborhood' is a true Bosnian word expressing an essential feature of Bosnian culture to which it is unique. Turkisms thereby play a uniquely differentiating role in BCS not found in any of the other languages of the Balkans.

It is worth noting that aside from the break-up of BCS, the 1990's have seen significant advances in the standardization of Romani and Aromanian. The stylistic lowering of Turkisms in other Balkan languages (and even in Turkish itself) did not take place in these languages that are only now being standardized. Thus, for example in the 1994 Macedonian census, the Romani and Aromanian forms used Turkisms for 'bath' and 'toilet' (*hamami*, *kenefi* [Romani] and *hale* [Aromanian]), which are considered colloquial and would never be used in formal government documents in other languages. We see here a parallel process in Romani and Aromanian in which the closeness of the emerging norm to current speech favors retention of Turkisms without stylistic lowering or marginalization.

Thus, whereas Turkisms have become associated with democracy in most of the Balkans, on BCS territory they are the object of a new orientalism, but one in which Bosniacs embrace the «oriental» as defining them against a Western «other».

As an afterward, I would like to note that a new dictionary of Turkisms in Bulgarian (DTB: 305–528) contains a comparison with Škalijić (1966) classic

for Serbo-Croatian. The main body of the dictionary contains 7,427 headwords and that of Škalijić 6,878. Out of a total of almost 10,000 Turkish words, however, the two dictionaries share only somewhere between a half and two thirds of the total number of Turkish lexical items. The remainder occur only in one dictionary or the other. Thus while in raw numbers of head words DTB surpasses Škalijić by only 549 headwords, in fact the number of Turkish words in DTB not attested in Škalijić numbers in the thousands. This suggests that despite the commonplace assertion that the Balkan languages share a significant component of Turkish lexical material, there are significant differences between Serbo-Croatian and Bulgarian in the selection of Turkish vocabulary that require further study.

References

- DTB — Grannes, Alf, Kjetil Rå Hauge, and Hayriye Süleymanoğlu. 2002. A Dictionary of Turkisms in Bulgarian. Oslo: Norvus Forlag.
- Kazasis, K. 1972. The status of Turkisms in present-day Balkan languages. In: H. Birnbaum & S. Vryonis, eds. Aspects of the Balkans. The Hague: 87–116.
- Miklosich, F. 1884–90. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse, 34, 35, 37, 38.
- Pirić, Alija. 1994. Iz bošnjačke jezičke sehare: Komšilik. Liljan 29.VI.94: 25.
- Škalijić, A. 1966. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Svjetlost.

А. Х. Гирфанова, Н. Л. Сухачев (Санкт-Петербург)

О ТЮРКСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. (ДАННЫЕ ТОПОНИМИИ)

Наше сообщение опирается на выборку топонимов, содержащих тюркские корневые форманты, которая включает и названия, исчезнувшие с современной карты Юго-Восточной Европы (свыше 4000 названий на Балканском полуострове и на сопредельных территориях). Некоторые наблюдения над этим материалом были изложены нами серии статей под общим названием «Заметки по балканской топонимии...» — см. литературу). Намеченное обзорное исследование исходит из необходимости подключения к традиционной проблематике балканского языкового союза, наряду с албанскими, греческими, восточно-

манскими и южнославянскими элементами, тюркоязычного компонента, игравшего в раннем и позднем Средневековье (начиная с нашего времени гуннов) заметную роль в процессах формирования балканской культурно-исторической общности, без осмысления которой трудно уяснить и причины языковой конвергенции. Одновременно в аспекте искомой общности необходима беспристрастная оценка исторической роли османского суперстрата южногузского типа, который, с середины XV в. начинает ассимилировать и постепенно затемняет в балканских языках древнетюркские и среднетюркские элементы кыпчакского и северногузского типов (см.: Гирфанова 2001). Нельзя игнорировать также вклад тюркских этносов в культурные традиции балканских народов (ср.: Сухачев 2001), не исключая влияния периода господства Османской империи — их неправомерно рассматривать в одном лишь искаженном контексте политических или конфессиональных противостояний.

Юго-Восточная Европа — это своеобразный котел, где оседали «этнические отложения мигрировавших с востока на запад кочевников и их языки» (Баскаков 1969: 255). Под давлением очередных миграционных волн кочевые племена несколько столетий отступали из Северного Причерноморья в степные районы Паннонии и на равнины Нижнего Придунавья — от южных Карпат до гор Хемуса, получивших, наряду со славянским (болгарским) именем *Стара Планина*, тюркское название *Балканы*. «Этнические отложения» еще прослеживаются в соматическом облике отдельных локальных групп, представителей современных балканских народов. Но языки кочевников, которые в основной своей массе были носителями тюркских наречий, дошли до нас «незначительным остаточным материалом» (там же). Остатки обычно представлены ономастической лексикой — названия племен, личные имена, отдельные ойконимы, извлекаемые из средневековых арабских, византийских, славянских, венгерских, западноевропейских источников. Древние тюркские названия, которые появлялись и бытовали на Балканах при столь интенсивном проникновении скотоводов-«кочевников» и в ходе их ассимиляции в состав местного земледельческого населения, впоследствии были вытеснены (точнее «затемнены») османскими формами. В процессе противостояния национальных традиций турецким влияниям, «османизмы», нередко отражавшие и предшествовавшие типы (северногузский и кыпчакский), в свою очередь, заменялись на греческие, славянские, романские формы.

Турцизмы, а тем более элементы древнетюркского и среднетюркского периодов отнюдь не преобладают в балканской топонимии: из 5608 названий